

ПОХОРОННАЯ ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

ЛИДИЯ ДАНИЛОВНА ДАШИЕВА

(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, Республика Бурятия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6)

***Аннотация.** В статье впервые представлены похоронные песни үхэлэй дуунууд, бытующие в качестве живой традиции в современной обрядовой культуре западных бурят. Впервые предпринят анализ похоронной песенной традиции и некоторых музыкальных особенностей похоронных песен үхэлэй дуунууд западных бурят, основанный на материалах музыкально-этнографических экспедиций автора в Аларский и Нукутский р-ны Иркутской обл. в 2011–2012 гг. Похоронная песенная традиция рассматривается в контексте религиозных и мифологических представлений бурят, их регламентированного ритуального поведения. Вероятно, в обрядовой культуре западных бурят исполнение похоронных песен үхэлэй дуунууд являлось одним из компонентов похоронных обрядов, обеспечивающих сакральную связь близких родственников и души умершего человека, земного и загробного миров. Генезис похоронных песен үхэлэй дуунууд предстоит еще выяснить в дальнейшем исследовании. Открытие и изучение похоронной песенной традиции позволяет ввести новый жанр традиционной обрядовой музыки западных бурят үхэлэй дуунууд в научный обиход отечественной и бурятской этномузыкологии и фольклористики.*

***Ключевые слова:** похоронные песни, традиция, западные буряты.*

Похоронная традиция вследствие своей особой сакральности и закрытости остается «белым» пятном в бурятской этнографической науке. Собранный в разное время бурятскими этнографами и фольклористами большой фактологический материал о похоронной традиции бурят еще не опубликован. Он хранится в рукописном отделе Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (см., напр.: [Балдаев; Галданова]). Редкие исключения — статья К. М. Герасимовой [Герасимова 1992], монография Д. Ц. Цыденовой «Представ-

ления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX — начало XXI вв.)» [Цыденова 2009], написанная на материале полевых исследований автора в районах проживания восточных хори-бурят, в частности, Агинском р-не Забайкальского края, и диссертация А. С. Суворовой «Погребальная обрядность бурят (конец XIX — начало XXI вв.)» [Суворова 2015]. Безусловно, только посвященным исследователям приоткрыты загадочные «тайнства» и глубокая сакральность этой довольно сложной и небезопасной, но весьма интересной темы. В связи с этим исследование похоронной песенной традиции и похоронных песен үхэлэй дуунууд¹ западных

¹ Үхэл (смерть), дуун (песня), мн. ч. дуунууд.

бурят представляется весьма актуальным и своевременным.

К сожалению, в бурятской научной литературе имеются крайне скудные сведения о традиции похоронного пения у бурят. К ним относятся краткие упоминания известных бурятских фольклористов С. П. Балдаева [Балдаев 1961] и Н. О. Шаракшиновой [Шаракшинова 1959] об исполнении похоронных песен. По-видимому, сакральность похоронного обряда и закрытая традиция похоронного пения не позволяли носителям традиции говорить о ней из опасения за жизнь, здоровье и благополучие близких родственников.

По сведениям Н. О. Шаракшиновой, похоронные песни входили в систему похоронных обрядов и исполнялись родственниками умершего человека. «Эти песни, — пишет исследователь, — были обращением к умершему, который так рано покинул своих родных, оставил их на произвол судьбы, или к богу, который лишил их самого близкого и родного

человека» [Там же, 167]. Причем автор указывает на то, что о традиции похоронного пения сохранились лишь воспоминания стариков [Там же]. В этом высказывании привлекают внимание два момента: в песнях указан адресат (покойный или божество) и уточняется статус адресанта, исполнителя (родственник покойного).

Другим упоминанием о бытовании похоронных песен является краткое разъяснение С. П. Балдаева об исполнении *шаналахын дуун*² (скорбная, печальная песня): «Когда умирали бездетные люди, собирались родственники, закрывали дымовое отверстие (в юрте. — Л. Д.), тушили домашний очаг, устраивали поминки, на которых пели песни, называемые *шаналахын дуун*» [Балдаев 1961, 285]. К сожалению, исследователь не дает подробных комментариев, ограничиваясь лишь их названием *үхэһэн хүниие үдэшэхэ дуун* (песни, исполняемые родственниками на похоронах) [Там же]. Приведем полный текст *шаналахын дуун*³:

Үхэһэн хүниие үдэшэхэ дуун

Агта мори унабаш,
Амитан зондо үдэшүүлбэш,
Амитан зондоо үдэшүүлжэ,
Бурханай орондо орохошни,
Бурханаа орондо хайн ябаарайш!

Хүлэг мори унабаш,
Хүдхэ зондо үдэшүүлбэш,
Хүдхэ зондоо үдэшэлүүлжэ,
Үхөөшэнэй ханда орохошни,
Үхээшэнэй орондо хайн ябаарайш!

Муу амитанаар бү золгоорой,
Муухай амитанаар бү ябаарай,
Архи бү уугаарай,
Ажалаа хараад ябаарай!

Оседлал ты своего мерина,
Да провожает тебя народ,
Да провожает тебя твой народ,
Да в страну богов,
Да будет тебе хорошо в стране богов!

Оседлал ты своего аргамака,
Да провожает тебя народ непутевый,
Да провожает тебя твой народ непутевый,
Да в страну мертвых,
Да будет тебе хорошо в стране мертвых!

Да не встречайся с недобрыми людьми,
Да не дружи ты с плохими людьми,
Да не пить тебе водки,
Да будешь ты славно трудиться!

(Зап. от Петра Васильева, 1919 г. р., улус Үшөөһэн, Аларский аймак, Иркутская обл. Соб. С. П. Балдаев. 1961 г.) [Балдаев 1961, 191–192].

Музыкальный код похоронного ритуала в современной обрядовой культуре бурят неоднороден. Он включает

в себя живую традицию похоронного пения *үхэлэй дуунууд* западных бурят и похоронные буддистские песнопения восточных *хори-бурят*. Каждый из компонентов музыкального кода имеет свои функции в рамках погребального обряда и специфические особенности

² Шаналха — 1. скорбеть, печалиться, сокрушаться; 2. сожалеть, раскаиваться [Шагдаров, Черемисов 2008, 604].

³ Перевод на русский язык выполнен Л. Б. Бадмаевой.

музыкальной организации. Как уже отмечалось, в бурятской фольклористике и этномузыкологии отсутствуют какие-либо сведения о них, и, безусловно, необходимо продолжить дальнейшее исследование похоронной традиции бурят.

В статье впервые предпринят анализ похоронной песенной традиции и некоторых музыкальных особенностей похоронных песен *үхэлэй дуунууд* западных бурят, основанный на материалах музыкально-этнографических экспедиций автора в Аларский и Нукутский р-ны Иркутской обл. летом 2011–2012 гг. Большой удачей полевой работы стала информация о традиции похоронного пения в современной обрядовой культуре западных бурят, впервые полученная от А.С. Арботовой (1951 г. р.) в с. Закулей Нукутского р-на Иркутской обл., на родине известного бурятского ученого-этнографа и фольклориста М.Н. Хангалова. Замечу, сведения, что среди западных бурят бытует живая традиция похоронного пения, сначала были восприняты мною с недоверием и сомнением. Однако в результате дальнейшей экспедиционной работы в указанных районах Иркутской обл. все же удалось найти и записать единичные образцы *үхэлэй дуунууд* от следующих информантов: С.Ф. Трофимова, 1935 г. р. (с. Аляты), Э.В. Егодурова, 1936 г. р. (с. Куйта), М.М. Алексеева, 1940 г. р. (с. Ныгда). Подчеркну особо: на наш взгляд, аудио- и видеозаписи *үхэлэй дуунууд*, свидетельствующие о живой похоронной песенной традиции, позволяют ввести новый жанр традиционной музыки западных бурят в научный обиход отечественной и бурятской этномузыкологии и фольклористики.

Обычно на похоронах и поминках у монголов и бурят принято сдерживать и скрывать свои чувства и эмоции. Строго запрещено плакать, причитать, громко разговаривать, шуметь и т. п. Побурятски это *сэртэ* (грех). Такое табуированное этническое поведение строго

регламентировано и обусловлено религиозными и мифологическими представлениями монгольских народов. У кочевников считалось: чтобы душа умершего как можно скорее обрела покой и умиротворение, близкие родственники обязаны совершить обряды, соблюдая при этом правила ритуального поведения.

По-видимому, исполнение похоронных песен *үхэлэй дуунууд* в обрядовой культуре западных бурят являлось одним из компонентов похоронных обрядов, обеспечивающих сакральную связь близких родственников и души усопшего, земного и загробного миров. Кроме того, важное значение имел статус адресанта, т. е. исполнителя *үхэлэй дуунууд*. Как уже упоминалось, по традиции им может быть только близкий или дальний родственник покойного, имеющий исключительное право медиатора между земным и загробным мирами, вероятно позволяющее через похоронное пение общаться с душой умершего.

Не углубляясь в этнографический контекст, обратимся к анализу песенных текстов и музыкального стиля *үхэлэй дуунууд*. Первый образец записан в с. Аляты Аларского р-на Иркутской обл. у *одёгон*⁴ Софьи Фадеевны Трофимовой (1935 г. р.). Эту похоронную песню она слышала в далекой молодости на похоронах своего близкого родственника. Она запомнила мелодию *үхэлэй дуун* и в настоящее время иногда исполняет ее на похоронах, куда ее приглашают. С.Ф. Трофимова в настоящее время проводит родовые и семейные шаманские обряды. Ее шаманский дар обнаружился в сорокадевятилетнем возрасте, но шаманской деятельностью начала заниматься в последние десятилетия. Работая учителем в школе, она вынуждена была скрывать свои сверхъестественные способности от окружающих [Дневник ПМА, 2011]. По сведениям информанта, эту похоронную песню пела осинская бабушка Мария Дельбеева на поминках на третьи сутки после похорон после горячего обеда⁵.

⁴ Одёгон, удаган — «шаманка», бөө — «шаман».

⁵ По сведениям известного этномузыколога О.А. Пашиной, «первое поминальное застолье во многих районах Смоленской области имеет особое название — горячий стол...» [Пашина 2003, 79]. По-видимому, поминальная традиция горячего стола была унаследована западными бурятами от русских.

Пример 1

А (а) - да - р (а) ү(ү) жэн ү(ү) - төл (о) - бэл - даа
 Арь - баа - тайл (а) да - даа - тай ү(ү) - төл (о) - бэл даа гээл
 А - ар - тай - шье мн - баа ү(ү) - төл (о) - бэл даа
 А - ма - та - (аа) гу - ма - тай ү(ү) - төл (о) - бэл даа.

Алаг үнээн үтөлбэл⁶ даа,
 Арьбантайл далантай үтөлбэл даа гээд.
 Аянтайшые ийбии үтөлбэл даа,
 Аштай гушатай үтөлбэл даа.

Состарилась наша пестрая корова,
 Состарилась, нагуляв жир.
 Состарилась удалая наша бабушка,
 Состарилась, оставив внуков и правнуков.

Хара үхэрнэй үтөлбэл даа,
 Хабатай арьбантайл үтөлбэл даа гээд.
 Хайратөө эхэмнай үтөлбэл даа,
 Аштай гушатай үтөлбэл даа гээд.

Состарилась наша черная корова,
 Состарилась, нагуляв жир.
 Состарилась дорогая наша мать,
 Состарилась, оставив внуков и правнуков.

В вербальном тексте этого образца фигурирует образ ушедшей из жизни матери эхэ и бабушки ийбии, наделенный эпитетами «дорогая, удалая». Причем подчеркивается ее семейно-социальный статус в выражениях «дорогая наша мать», «удалая наша бабушка». В каждой строке песенной строфы повторяется глагол *үтөлбэл даа* в утвердительной форме в значении «состариться», что свидетельствует о преклонном возрасте покойной. По данным Г.Р. Галдановой, у монгольских народов «наиболее предпочтительной, желанной считалась смерть в возрасте восьмидесяти лет <...> в доме, где находился 80-летний старец, постоянно жили в страхе, что он превратится в мангуса (разновидность злых духов), поэтому, пока старцу не перевалило за 80, его уводили куда-нибудь подальше от жилья

и говорили: “Насан болсон газар чинь” (Вот место твоей старости). Возвращаясь домой, на дороге разводили огонь и перепрыгивали через него для ритуального очищения. Место, где оставили старца, снова посещали через девять дней. Если 80-летнего возраста достигал отец, к месту “вечности” (*Мүнхэ газар*) его уводил сын, а свекровь вела невестка» [Галданова 1987, 75–76].

Кроме того, в формульном выражении *ашатай гушатай* (внуки, правнуки), часто используемом в бурятских народных песнях, сконцентрирована семантика богатства и плодородия, родовой преемственности поколений.

Второй образец *үхэлэй дуун* записан от Энгельсины Владимировны Егодуровой (1936 г. р.) в с. Куйта Аларского р-на Иркутской обл.

Пример 2

Үхэлэй дүүн

Шо-но-до (о) хо-туул ха (а) мо-ри - и - с-даа,

⁶ Үтөлбэл от үтэлэх — «стареть, стариться» [Шагдаров, Черемисов 2008, 355].

Шонодо хазуулха мориё,
Хүлэжэ унажа абаядил даа.
Шоройдо даруулжа бэеё,
Зугаалажа хэлэжэ абаядил даа.

Шонойн гэтэхэ мориё,
Хүлэжэ унажа абаядил даа.
Хээрэ хаялха⁷ бэеё,
Зугаалажа хэлэжэ абаядил даа.

Коня, которого могут разодрать волки,
Давайте запрежем и оседлаем.
Про него, который будет погребен в земле,
Давайте споем и поговорим.

Коня, которого преследует волк,
Давайте запрежем и оседлаем.
Про него, которого бросят в степи,
Давайте споем и поговорим.

В тексте второго образца *үхэлэй дуун* отражена семантика образа коня — верного друга и спутника всей жизни бурята-скотовода, который должен был сопровождать своего хозяина и в загробной жизни. Поэтому каждый бурят, даже самый бедный, старался перед смертью приобрести лошадь для того, чтобы в загробном мире не ходить пешком. По традиции предки бурят и монголов убивали такого коня («посмертного» коня называли *хойлго*) на месте погребения, а шкуру вместе с головой и копытами вывешивали на деревянном шесте возле могилы его хозяина. В тексте

данного образца есть указание на древнюю традицию двух способов захоронения тела покойного: наземного («про него, которого бросят в степи») и подземного («про него, который будет погребен в земле»). Кроме того, в обращении адресанта к родственникам с призывом поговорить и спеть, восхваляя покойного, присутствует его образ в обобщенном слове *бэе* (тело).

Таким образом, в словесных текстах похоронных песен *үхэлэй дуунууд* скрывается глубокое сакральное содержание, связанное с образами ушедших людей и образами животных, таких, как волк, лошадь,

⁷ *Хаялха* (кидать, бросать) в контексте похоронного обряда может быть синонимично другому слову — *гээгдээ* (потеряться), поскольку в давние времена была распространена традиция наземного способа захоронения. Покойника везли на телеге по степи таким образом, чтобы тело покойного само упало на землю, т. е. потерялось [Цыденова 2009, 187].

корова (бык), присутствующих в песенных текстах — обращениях к умершему на похоронах, в том числе и шаманских текстах.

Оба представленных здесь образца *үхэлэй дуунууд* имеют ритмоинтонационное сходство и фактически являются вариантами одного и того же напева⁸.

Единство проявляется в мелодике, ритме, звуковысотной-ладовой организации, архитектонике *үхэлэй дуунууд*. Композиционное строение каждого куплета (состоит из двух куплетов) похоронных песен представляет типичную четырехстрочную мелодию (АА¹АА¹) без припева, в которой параллельные строки идентичны друг другу (1–3, 2–4 мелодии). В инициальном сегменте обеих песен реализуется интонационная модель (далее — ИМ), характерная для западнобурятской песенной традиции — это восходящий мелодический оборот ($F^1-as^1-c^2$ — в первом образце, $Gis^1-h^1-dis^2$ — во втором), имеющий структуру 1,5 тона + 2 тона. Причем интонация 1 и 3 мелодии имеет зеркально-симметричное строение ($F^1-as^1-c^2-as^1-F^1$; $Gis^1-h^1-dis^2-h^1-Gis^1$).

Сходство звуковысотной организации обоих образцов *үхэлэй дуунууд* очевидно. В ладозвукорядном плане это ангеми-tonный тетракорд в квинте (*тетратоника*). Ладозвукорядное строение первого примера — $F^1-as^1-b^1-c^2$, где главным опорным тоном является F^1 , а побочным — as^1 . Ладозвукоряд напева второго образца $Gis^1-h^1-cis^2-dis^2$, где главный опорный тон — Gis^1 и побочный (переменный) — H^1 .

Вероятно, напевы *үхэлэй дуунууд* напоминают шаманские песнопения и имеют весьма раннее происхождение, корни которого еще предстоит выяснить.

Сравнительный анализ звуковысотной организации *үхэлэй дуунууд* и шаманского песнопения, записанного автором от шамана *ёдоото бөө* Владимира Емельяновича Харханова (1929–2008) из с. Кутанка Осинского р-на Иркутской обл., показал единую ладовую основу — ангеми-tonный тетракордный лад со звукорядом ($D^1-f^1-g^1-a^1$). В образцах *үхэлэй дуунууд* интонация (D^1-f^1) играет важную формообразующую

роль в инициальном и заключительном сегментах полустроков, строк, строф.

Также мелодия этого шаманского песнопения имеет сходство с образцом другого шаманского песнопения, записанного Д. С. Дугаровым в 1970 г. от западнобурятского шамана из рода *ноед* Иванова Ивана Вагановича из улуса Кутанка Осинского р-на Иркутской обл. [Дугаров 1980, 110].

В образцах присутствует дихордный лад с интервальным строением D^1-f^1 в шаманском песнопении В. Е. Харханова и большой терцией D^1-fis^1 из сборника Д. С. Дугарова. По-видимому, это варианты одного и того же шаманского песнопения, записанного в одной местности (улус Кутанка Осинского р-на Иркутской обл.) с большой разницей во времени — в 38 лет. Однако при устойчивой сохранности ладоинтонационного содержания изменилась обрядовая функция этого песнопения.

Таким образом, по-видимому, напевы похоронных песен *үхэлэй дуунууд* тесно взаимосвязаны с шаманскими песнопениями по музыкальным параметрам, в частности, звуковысотной организации.

Кроме того, в прошлом у западных бурят *хонгодоров* на похоронах танцевали круговой обрядовый танец *ёхор*. Как отмечает бурятский этнограф Г. Р. Галданова, «раньше *ёхор* плясали, когда хоронили» (Зап. от Э. З. Гомбоевой, 1900 г. р., с. Баянгол, Баргузинский р-н, Бурятская АССР, 1974 г.) [Галданова 1974, 98]. Безусловно, изучению танцевальной традиции на похоронах западных бурят следует посвятить специальное исследование.

Таким образом, похоронные песни *үхэлэй дуунууд* имеют важное сакральное значение в системе похоронно-поминальной обрядности западных бурят. Открытие нового жанра традиционной обрядовой музыки западных бурят заставляет задуматься над тем, насколько глубинна и многогранна народная обрядовая культура, в которой исследователям предстоит еще сделать много новых открытий и познать таинства обрядовой жизни народа.

Литература

Балдаев 1961 — Балдаев С. П. Буряад арай дуунууд (Бурятские народные песни).

1-дэхи том: Урданай дуунууд (Дореволюционные песни). Улан-Удэ, 1961.

⁸ Нотировки выполнены автором статьи, расшифровка и перевод текста — Л. Б. Бадмаевой.

Балдаев — Балдаев С. П. Свадебные, родильные и похоронные обряды тункинских бурят. Рукопись // РО ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 990. Л. 31.

Галданова — Галданова Г. Р. Материалы этнографической экспедиции в Закаменский, Тункинский, Окинский районы Бур. АССР (1981, 1982, 1984). Рукопись // РО ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. № 2330. Л. 149.

Галданова 1974 — Галданова Г. Р. Материалы экспедиции в Закаменский, Тункинский, Баргузинский районы Бур. АССР (1974 г.). Рукопись // РО ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. № 2265. Л. 221.

Галданова 1987 — Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

Герасимова 1992 — Герасимова К. М. Похоронные обрядники тибетских и монгольских авторов XVI—XIX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 133–157.

Дашиева 2009 — Дашиева Л. Д. Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты. Улан-Удэ, 2009.

Дугаров 1980 — Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ, 1980.

Пашина 2003 — Пашина О. А. Похоронная обрядность Смоленской области // Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М., 2003. С. 8–121.

Суворова 2015 — Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят (конец XIX — начало XXI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015.

Цыденова 2009 — Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX — начало XXI вв.). Новосибирск, 2009.

Шагдаров, Черемисов 2008 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи (Бурятско-русский словарь): В 2 т. Т. 2. Улан-Удэ, 2008.

Шаракшинова 1959 — Шаракшинова Н. О. Бурятский фольклор. Иркутск, 1959.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора
ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, Республика Бурятия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; тел.: + 7 (3012) 43-32-64; e-mail: dashieva2006@yandex.ru

FUNERAL SONG TRADITION OF THE WESTERN BURYATS

LIDIYA DASHIEVA

(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences: 6, Sakhyanovoy str., Ulan-Ude, 670042, Buryatia Republic, Russian Federation)

Summary. This paper is first to present funeral “ükheley duunuud” songs, existing as a living tradition in contemporary ceremonial culture of the Western Buryats. In the Buryat ethnographic literature there are extremely poor data on tradition of funeral singing among the Buryats. Apparently, sacrality of a funeral ceremony and closedness of funeral singing didn’t allow carriers of tradition to speak about it avowedly, being afraid for life, health and wellbeing of close relatives. An analysis of the funeral song tradition and some musical features of funeral songs “ükheley duunuud” among the Western Buryats is undertaken for the first time. It is based on field materials of musical-ethnographic expeditions of the author to Alar and Nukut districts of Irkutsk region in 2011–2012.

Funeral song tradition is discussed in the context of religious and mythological beliefs and ritually regulated conduct of the Buryats. Probably, there in ceremonial culture of the Western Buryats performance of the funeral songs ükheley duunuud has been a component of funeral

rites that ensured sacred communication between relatives and the soul of the descended, among earthly and afterlife worlds.

Genesis of funeral songs ükheley duunuud still needs to be enlightened by further investigations. Discovery and study of the funeral song tradition allows you to enter a new genre of traditional ritual music of the Western Buryats ükheley duunuud into scholarly use in Russian and Buryat ethnomusicology and folklore studies.

Key words: funeral songs, tradition, Western Buryats.

References

Baldaev S. P. (author-comp.) (1961) Buryaad araday duunuud. Buryatskie narodnye pesni [Buryat Folk Songs]. Vol. 1: Urdanay duunuud (Dorevolutsionnye pesni) [Pre-Revolution Period Songs]. Ulan-Ude. In Buryat and in Russian.

Baldaev S. P. (no date) Svadebnye, roditelnye i pokhoronnye obryady tunkinskikh buryat [Wedding, Maternity and Funeral Rituals among the Tunka Buryats]. Center of Oriental Manuscripts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Fund 36. Inv. 1. No. 990. P. 31. Manuscript. In Russian.

Dashieva L. D. (2009) Buryatskiy krugovoy tanets ökhör: istoriko-etnograficheskiy, ladovyy, ritmicheskiy aspekty [Jokhor the Buryat Round Dance: Historical-Ethnographic, Modal, Rhythmic Aspects]. Ulan-Ude. In Russian.

Dugarov D. S. (1980) Buryatskie narodnye pesni. Pesni zapadnykh buryat [Buryat Folk Songs. Songs of the Western Buryats]. Ulan-Ude. In Russian.

Galdanova G. R. (1981, 1982, 1984) Materialy etnograficheskoy ekspeditsii v Zakamenskiy, Tunkinskiy, Okinskiy rayony Bur. ASSR [Materials of the Ethnographic Expedition to Zakamenskiy, Tunka and Oka Districts of the Soviet Autonomic Buryatia Republic]. Ibid. Fund OAF. No. 2330. P. 149. Manuscript. In Russian.

Galdanova G. R. (1974) Materialy ekspeditsii v Zakamenskiy, Tunkinskiy, Barguzinskiy rayony Bur. ASSR [Materials of the Ethnographic Expedition to Zakamenskiy, Tunka and Barguzin Districts of the Soviet Autonomic Buryatia Republic]. Ibid. Fund OAF. No. 2265. P. 221. Manuscript. In Russian.

Galdanova G. R. (1987) Dolamaistskie verovaniya buryat [Before-Buddhism Convictions among the Buryats]. Novosibirsk. In Russian.

Gerasimova K. M. (1992) Pokhoronnye obryadniki tibetskikh i mongol'skikh avtorov XVI—XIX vv. [Funeral Ritual Guides by Tibetan and Mongolian Authors of the 16th — the 19th Centuries]. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [Traditional Ceremonialism of the Mongolian Peoples]. Novosibirsk. Pp. 133–157. In Russian.

Pashina O. A. (2003) Pokhoronnaya obryadnost' Smolenskoj oblasti [Funeral Ceremonialism of Smolensk Region]. *Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik* [Smolensk Musical-Ethnographical Miscellanea]. Vol. 2. Pokhoronnyy obryad. Plachi i pominal'nye stikhi [Funeral Ritual. Laments and Commemorative Verses]. Moscow. Pp. 8–121. In Russian.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (2008) Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian Dictionary: In 2 vol.]. Ulan-Ude. Vol. 2. In Russian and in Buryat.

Sharakshinova N. O. (1959) Buryatskiy fol'klor [Buryat Folklore]. Irkutsk. In Russian.

Suvorova A. S. (2015) Pogrebal'naya obryadnost' buryat (konets XIX — nachalo XXI vv.) [Funeral Ceremonialism among the Buryats (the End of the 19th — the Beginning of the 21st Centuries.)] PhD Thesis. Ulan-Ude. In Russian.

Tsydenova D. Ts. (2009) Predstavleniya aginskikh buryat o zhizni i smerti (konets XIX — nachalo XXI vv.) [Views on Life and Death among the Aga Buryats (the End of the 19th — the Beginning of the 21st Centuries)]. Novosibirsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: dashieva2006@yandex.ru

Tel.: + 7 (3012) 43-32-64

6, Sakhyanovoy str., Ulan-Ude, Buryatia Republic, 670042, Russian Federation

PhD (Arts), senior researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ АЛТАЙЦЕВ

НАДЕЖДА РОМАНОВНА ОЙНОТКИНОВА

(Институт филологии Сибирского отделения РАН:

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8)

***Аннотация.** В статье рассматриваются эсхатологические представления алтайцев в контексте истории развития их религиозных взглядов. Автор, опираясь на принятые в исторической науке точки зрения, предполагает, что мифы о кончине мира проникали в прошлом к алтайцам в результате длительных культурно-исторических контактов с разными народами, распространявшимися манихейство, несторианство, буддизм и православие. По содержанию алтайские эсхатологические повествования схожи с рассказами и духовными стихами о кончине мира у русских. Общее в них обнаруживается в выражении ветхозаветных христианских догм. Их сближает также особая метафорика языка: в них присутствуют схожие иносказания. Специфика алтайских эсхатологических текстов заключается в синтезе понятий и идей исконного шаманизма, христианства и буддизма, что было характерно для древнего манихейства. Эти произведения обладают особой жанровой способностью актуализироваться в тех ситуациях, когда перед обществом ставились серьезные вопросы, от решения которых зависело его будущее. Об этом свидетельствуют рассказы бурханистов в начале XX в., ожидавших пришествия мессии Ойрот-хана, который спасет свой черно-головый народ и уведет за собой в новую страну.*

***Ключевые слова:** эсхатология, эсхатологические представления алтайцев, мифы алтайцев, христианизация алтайцев, конец света.*

В фольклоре алтайцев и других современных центральноазиатских народов обнаруживаются легенды и рассказы о потопе, о сотворении Богом первых людей, Вавилонской башне, конце света и т. д. На огромную территорию Центральной Азии рассказы, связанные с христианской религией, проникали в разное время в результате культурных контактов, а распространение их в устной форме способствовало расширению ареала бытования.

Текстов о предстоящем конце мира у алтайцев зафиксировано немного. В книге В. В. Радлова опубликовано два текста: «Tälänät kizilärdin sözübilä (По слову теленгитов)», «Altaï kizilärdin sözübilä

(По слову алтайцев)» [Образцы 1866, 167–170]. Как известно, в его книгу вошли материалы, собранные миссионером В. И. Вербицким совместно с алтайским миссионером, переводчиком В. П. Чевалковым. В сборнике «Алтай кепкуучындар» (Алтайские предания) [АКК] издано еще пять текстов. Достоверность этих текстов не вызывает сомнений, поскольку все они содержат паспортные данные с указанием рассказчиков.

Христианские легенды рассказывали пожилые люди, хорошо знавшие традиции и фольклор алтайцев. Одним из рассказчиков был известный сказитель, прорицатель Алексей Григорьевич Калкин